

DOI: 10.31857/S0130386425030061

© 2025 г. П.П. ЧЕРКАСОВ

ОТСТАВКА ПРЕЗИДЕНТА ПАТРИСА МАК-МАГОНА В 1879 году И УКРЕПЛЕНИЕ РЕСПУБЛИКАНСКОГО СТРОЯ ВО ФРАНЦИИ (глазами российского посла в Париже)

Черкасов Петр Петрович – доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: ptch46@mail.ru

Scopus Author ID: 12138974400; ORCID: 0000-0003-3723-1657; Researcher ID: G-2170-2018

Аннотация. В статье проанализирован переломный момент в истории молодой Третьей республики, когда победой республиканцев завершилось их многолетнее противоборство со сторонниками реставрации монархии. 30 января 1879 г. досрочно сложил с себя полномочия президент Франции Патрис де Мак-Магон, лидер клерикально-монархической реакции. Новым главой государства в тот же день был избран Жюль Гриви, один из лидеров республиканской партии. С этого времени вся полнота исполнительной и законодательной власти в стране сосредоточилась в руках республиканцев. Драматические события тех дней нашли подробное освещение в дипломатической корреспонденции русского посла в Париже князя Николая Алексеевича Орлова. Глубокое понимание французских реалий и широкие связи в высших политических сферах делали князя Орлова одним из самых осведомленных свидетелей окончательного утверждения республиканского строя во Франции. Его депеши и аналитические записки в Санкт-Петербург можно отнести к числу ценных источников по истории Франции 1870-х годов. В его корреспонденции содержится интересный, подчас уникальный, материал, позволяющий проникнуть за кулисы тогдашней французской политической жизни. После принятия республиканской конституции в 1875 г. и последовавших за этим законодательных выборов, на которых победили республиканцы, князь Орлов все больше склонялся к выводу о неизбежности отставки Мак-Магона. В то же время русский посол, как и многие, не ожидал, что отставку инициирует сам маршал-президент. Оценивая перспективы развития политической ситуации во Франции, Орлов не исключал попыток дестабилизации республиканского режима со стороны монархистов. Данная статья подготовлена на основе изучения корреспонденции князя Орлова, наложенной на канву событий тех переломных для Французской республики дней.

Ключевые слова: Франция, Россия, Третья Республика, Патрис де Мак-Магон, политический режим, власти, дипломаты, Жюль Гриви, Николай Алексеевич Орлов, Александр Михайлович Горчаков.

P.P. Cherkasov

The Resignation of President Patrice de MacMahon and the Stabilisation of the French Republican System: Insights from the Russian Ambassador in Paris

Peter Cherkasov, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: ptch46@mail.ru

Scopus Author ID: 12138974400; ORCID: 0000-0003-3723-1657; Researcher ID: G-2170-2018

Abstract. This article explores a pivotal moment in the history of the early Third Republic, when the victory of the Republicans marked the end of their long-standing confrontation with monarchist factions. On 30 January 1879, President Patrice de MacMahon, a leader of the clerical-monarchist reaction, resigned prematurely. On the same day, Jules Grévy, a prominent Republican figure, was elected as his successor, consolidating Republican control over both the executive and legislative branches of government. The dramatic events surrounding these developments are extensively documented in the diplomatic correspondence of the Russian Ambassador to Paris, Prince Nikolai Alekseevich Orloff. His deep understanding of French political realities and extensive connections within the highest political echelons made Orloff one of the most informed observers of the final establishment of the republican system in France. His dispatches and analytical notes to St. Petersburg serve as valuable primary sources for understanding the political history of France in the 1870s. Orloff's correspondence provides unique insights, revealing the behind-the-scenes dynamics of French political life during this crucial period. Following the adoption of the republican constitution in 1875 and the Republicans' victory in the subsequent legislative elections, Orloff increasingly saw MacMahon's resignation as inevitable. However, like many others, he did not anticipate that the resignation would be voluntarily initiated by the Marshal-President himself. In his analysis of the situation, Orloff acknowledged the potential for monarchist attempts to destabilise the republican regime. This article draws upon Orloff's correspondence during this transformative period in French history, offering a detailed examination of the political context surrounding MacMahon's resignation and the consolidation of the French Republic.

Keywords: France, Russia, Third Republic, Patrice de MacMahon, political regime, government, diplomats, Jules Grévy, Nikolai Alekseevich Orloff, Alexander Mikhailovich Gorchakov.

Пять с половиной лет правления президента Третьей республики маршала Патриса де Мак-Магона (1873–1879)¹ характеризовались его попытками установить во Франции так называемый «моральный порядок» (*ordre moral*). Авторство этого понятия принадлежит самому Мак-Магону. В одном из первых публичных выступлений в качестве главы государства он сказал: «С Божьей помощью, опираясь на армию, которая всегда будет гарантом законности, при поддержке всех честных людей (*honnêtes gens*)² мы продолжим... восстановление *морального порядка* (курсив мой. — П. Ч.) в нашей стране»³.

«Моральный порядок» в понимании президента Мак-Магона подразумевал прежде всего уничтожение «революционной партии» и восстановление во французском обществе «традиционных ценностей», главная из которых — католическая церковь. Все громче звучали голоса клерикалов-ультрамонтанов⁴.

За этим настойчивым стремлением крылось намерение маршала-президента и стоявших за ним клерикально-монархических сил покончить с республикой, возникшей в сентябре 1870 г. на развалинах Второй бонапартистской империи, и реставрировать монархию

¹ О нем см.: *Laforge de Vitanval L.-L.* Histoire complète de Mac-Mahon, maréchal de France, duc de Magenta, d'après des documents originaux et des pièces officielles. Vol. 1–3. Paris, 1898; *Silvestre de Sacy J.* Le Maréchal de Mac Mahon, duc de Magenta, 1808–1893. Paris, 1960; *Halévy D.* La Fin des notables. Vol. 1–2. Paris, 1972; *Valynceele J.* Les Maréchaux de Napoléon III, leur famille et leur descendance. Paris, 1980; *Sementérie M.* Les Présidents de la République française et leur famille. Paris, 1982; *Broglié G. de.* Mac Mahon. Paris, 2000; *Черкасов П. П.* Маршал Мак-Магон // Новая и новейшая история. 2018. № 5. С. 198–211. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013038640001430-1>

² Со времен Директории под *honnêtes gens* подразумевались люди, располагающие имуществом, т.е. собственники.

³ Цит. по: *Azéma J.-P., Winock M.* La IIIe République. Paris, 1976. P. 98.

⁴ Ультрамонтанство (ультрамонтанизм) — клерикальная политическая концепция в католицизме, декларирующая непогрешимость папы и духовно-политическое первенство Святого престола над светскими национальными властями. Во Франции второй половины XIX в. ультрамонтанство противостояло как светскости, отвергавшей любое вмешательство церкви в дела государства, так и галликанству, последовательно отстаивавшему с середины XV в. независимость французской национальной церкви от Рима.

в одном из двух ее вариантов — легитимную или либеральную (конституционную)⁵. При этом среди монархистов сохранялись противоречия между легитимистами и орлеанистами.

Правительство Мак-Магона пыталось подчинить церкви систему народного образования, ужесточить контроль над республиканской прессой, препятствовать деятельности традиционно популярных во Франции политических клубов. Наиболее серьезным признаком усиления реакции стало принятие 24 января 1874 г. закона, отменявшего избрание мэров городов и сельских коммун. Отныне все они назначались правительством и были подконтрольны префектам, представлявшим центральную власть.

Без всяких объяснений увольняли префектов и чиновников, придерживавшихся республиканских убеждений. Дело доходило до того, что с грифов официальных документов стало исчезать даже название — «Французская республика».

Наступление клерикально-монархической реакции натолкнулось на упорное сопротивление сторонников республики. Переломными моментами в разгоревшемся противоборстве левых и правых стали два события — принятие в 1875 г. республиканской конституции и последовавшие за этим выборы в двухпалатный парламент (январь — февраль 1876 г.). В верхней палате (Сенате) республиканцы получили почти половину мест (149); монархическая коалиция (орлеанисты, легитимисты и бонапартисты) — 151 место⁶.

Еще более впечатляющими стали выборы в Палату депутатов, к которой по конституции 1875 г. переходили решающие полномочия в системе власти Третьей республики. По результатам выборов в нижнюю палату сторонники республики получили 360 мест, а правые только 200⁷. Это означало, что впервые после 1871 г. во французском парламенте образовалось республиканское большинство.

В целом же результаты парламентских выборов 1876 г. символизировали начало распада «морального порядка» маршала Мак-Магона. С этого времени отношения между главой государства и парламентским большинством вступили в стадию постоянно нарастающего конфликта.

Завершающий этап противоборства между исполнительной и законодательной властями наступил после того, как на дополнительных выборах в Сенат (5 января 1879 г.) уверенную победу одержали республиканцы. По результатам обновления Сената в нем оказалось 179 республиканцев и только 121 монархист, что обеспечило в верхней палате устойчивое республиканское большинство⁸. Таким образом, отныне обе палаты оказались под контролем республиканцев.

Герцог Гастон Одифре-Паскье вынужден был уступить кресло председателя Сената республиканцу Луи Мартелю. Завоевание республиканцами большинства в верхней палате лишило маршала-президента последнего, остававшегося у него инструмента влияния на политический процесс — возможности роспуска неугодного ему правительства.

Опираясь на большинство в обеих палатах, республиканское министерство Ж. Дюфора получило, наконец, возможность приступить к осуществлению задуманных реформ по демократизации политической системы Третьей республики. Начать было решено с чистки высшего эшелона гражданской и военной администрации — префектов, супрефектов, прокуроров, послов, генералов. Наибольшее значение в тот момент приобретала чистка армейского командования с целью предотвращения возможного военного мятежа.

⁵ См.: Черкасов П. П. Попытка реставрации монархии во Франции в 1873 году (по свидетельству российского посла князя Н. А. Орлова) // Труды Отделения историко-филологических наук. 2023. Т. 13 / отв. ред. академик В. А. Тишков. М., 2024. С. 271–284.

⁶ Duclert V. La République imaginée. 1870–1914. Paris, 2014. P. 125.

⁷ Azéma J.-P., Winock M. Op. cit. P. 109. В Палату депутатов прошли также 30 легитимистов и 60 представителей правого центра, включая орлеанистов. Но и республиканцы не представляли в нижней палате единую партию: 98 депутатов принадлежало к их радикальной группировке, 194 — к умеренным республиканцам, 48 — к левому центру, а 22 депутата называли себя конституционалистами, защитниками конституции 1875 г. См.: Антюхина-Московченко В. И. Третья республика во Франции. 1870–1918. М., 1985. С. 145.

⁸ Duclert V. Op. cit. P. 156.

Оказавшийся в результате обновления Сената в фактической изоляции, президент Мак-Магон отказывался утверждать представляемые ему списки на увольнения и новые назначения в армии. Особое негодование маршала-президента вызвало предложение правительства отправить в отставку командиров пяти армейских корпусов, его товарищей по оружию, известных своими антиреспубликанскими настроениями. Он предупредил, что как верховный покровитель армии предпочтет уйти со своего поста, нежели покрыть себя позором.

«Момент истины» наступил на заседании правительства 30 января 1879 г. Когда министры собрались в зале заседаний, председательствующий на нем глава государства обратился к ним с вопросом, продолжает ли правительство настаивать на отставке пяти заслуженных генералов? Гробовое молчание участников заседания красноречиво свидетельствовало, что министры единодушны в своем решении.

Готовый к такой реакции, Мак-Магон зачитал текст подготовленной им декларации, предназначенной для оглашения в парламенте. В этом документе говорилось, что «на протяжении 53 лет, которые маршал провел на службе своей стране, он руководствовался исключительно чувствами чести, долга и преданности своей родине», но в создавшихся условиях не считает для себя возможным исполнять далее обязанности главы государства⁹.

Текст декларации немедленно был передан в Палату депутатов. В тот же день отставка Мак-Магона была принята и парламент избрал нового главу государства. Им стал председатель верхней палаты Жюль Греви, один из лидеров «умеренных республиканцев». Отныне и исполнительная, и законодательная ветви власти оказались в руках республиканской партии. Основы Третьей республики укрепились.

События этого определяющего для окончательного утверждения во Франции парламентского режима этапа нашли подробное освещение в корреспонденции российского посла в Париже князя Н.А. Орлова, адресованной канцлеру А.М. Горчакову.

«Маршал Мак-Магон почти полностью отстранен от дел, — констатировал Орлов более чем за год до добровольной его отставки. — Он остался главой государства, но *in partibus infidelium* («в местах неверующих»). Он подписывает представленные ему декреты, но не может изменить в них ни одной строчки.

Мак-Магон являет собой тип короля-бездельника (*du roi-fainéant*), затворившегося в покоях своего дворца. Однако герцог Маджентский [Мак-Магон] однажды мог бы проснуться, и тогда вновь возродятся осложнения прошлого года, но такое пробуждение могло бы произойти только после закрытия Всемирной выставки¹⁰. До тех пор глава исполнительной власти, похоже, решил не выходить из своего бездействия. Что касается правительства, то оно полностью находится в руках самих министров. Последние часто встречаются на заседаниях и стремятся поддерживать хорошие отношения с парламентским большинством»¹¹.

Предположение Орлова о возможном «пробуждении» маршала-президента начало сбываться по мере приближения выборов в Сенат, которому, согласно конституции 1875 г., предстояло в январе 1879 г. обновить свой состав на одну треть. Предстоявшие выборы предоставляли Мак-Магону и стоявшим за ним монархистам последний шанс на удержание контроля над верхней палатой, что было важно для последующей борьбы против республики. Именно это побудило президента выйти из затворничества и включиться в избирательную кампанию на стороне консервативной партии.

⁹ Цит. по: *Ollivier J.-P. Président de la République. Les vingt-deux chefs d'État français 1848–2002. Paris, 2002. P. 37.*

¹⁰ С 1 мая по 10 ноября 1878 г. в Париже проходила Всемирная выставка, призванная восстановить международный престиж Франции, подорванный после поражения в войне с Германией в 1871 г. Характерно, что победившая Германия воздержалась от участия в этой выставке.

¹¹ «*Situation actuelle du Cabinet Français*». Записка Орлова от 22 февраля 1878 г. // Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 92. Л. 6–6 об.

Предстоящему 5 января 1879 г. обновлению Сената князь Орлов посвятил специальную депешу. «В этот день [5 января] состоится выборы 75 сенаторов¹², — докладывал посол. — Они могут изменить цвет большинства в Сенате и тем самым оказать решающее влияние на последующую судьбу нынешнего правительства. До сих пор Сенат служил сдерживающим фактором для Палаты депутатов. Сохранится ли такое положение после выборов 5 января?

Это вопрос, который мы можем себе задавать, но пытаться ответить на него было бы опрометчиво. Тем временем нынешний кабинет продолжает прозябать, поглощенный текущими делами. Г-н Ваддингтон (министр иностранных дел. — П. Ч.) надеется, что предстоящие выборы приведут в Сенат большинство: достаточно либеральное, чтобы не подвергать опасности республику, и вместе с тем достаточно консервативное, чтобы уберечь ее от радикальной примеси. Это, разумеется, хорошее пожелание, но оно может оказаться всего лишь мечтой»¹³.

В это время в политических кругах активно обсуждался вопрос о намерении Л. Гамбетты сменить Ж. Дюфора во главе правительства. «Кабинет Дюфора напуган влиянием, которое г-н Гамбетта приобретает с каждым днем», — отметил Орлов¹⁴. По мнению русского дипломата, Гамбетта, в котором Орлов продолжал видеть левого радикала времен 1870 г., мог бы попытаться реализовать свои честолюбивые амбиции сразу же после довыборов Сената в случае уверенной победы республиканцев¹⁵.

В действительности, по мнению современного французского историка, у Гамбетты в тот момент были другие планы. Не отказываясь от мечты стать главой правительства, амбициозный политик не считал для себя возможным сотрудничество с президентом Мак-Магоном, который неизбежно будет пытаться ограничить его свободу рук. Гамбетта намеревался дожидаться предстоявшего в конце мая 1879 г. истечения полномочий главы государства и только после этого заявить о своих притязаниях на руководство правительством. «Он также выдвигает аргумент о внешних трудностях, которые, несомненно, вызовет его назначение на пост главы правительства¹⁶, — отмечает Ж. Греви. — Не говоря об этом открыто, чтобы не настроить против себя депутатов, он предпочитает дожидаться, пока выборы новой палаты Сената не приведут к образованию более дисциплинированного большинства»¹⁷. В своих расчетах Гамбетта не учел только одного — возможности досрочного прекращения президентских полномочий Мак-Магона. Впрочем, он был не единственным политиком во Франции, кто не предвидел неожиданного демарша, предпринятого маршалом-президентом 30 января 1879 г.

Тем временем Орлов в переписке с Горчаковым сосредоточился на анализе последствий обновления Сената по итогам выборов 5 января 1879 г. «Выборы в Сенат принесли республиканской партии столь громкую победу, что нынешнее министерство крайне встревожено, — докладывал русский посол в Петербург. — Реальность превзошла все ожидания г-на Гамбетты. До сих пор монархисты имели в Сенате большинство в 23 голоса. Отныне в этом же собрании республиканская партия располагает большинством более чем в 50 голосов. Остается утешать себя тем, что новые избранные [сенаторы] в большинстве своем это люди порядка, придерживающиеся умеренных принципов. Впрочем, никто не может утверждать это с полной уверенностью. Почти все новые сенаторы являются новичками в политике, и их подлинные убеждения пока неизвестны. Поэтому остается ждать до тех пор, пока мы не увидим их в делах.

Что представляется несомненным, так это громкое поражение бонапартистской партии... Почти все империалисты [бонапартисты] 5 января провалились на выборах. Легитимистам удалось сохранить часть своих мест. Орлеанисты оказались значительно ослаблены.

¹² Здесь посол ошибся. 5 января 1879 г. предстояло избрать не 75, а 82 новых сенатора.

¹³ Орлов — Горчакову, 8 декабря 1878 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 92. Л. 162 об. — 163.

¹⁴ Орлов — Горчакову, 16 декабря 1878 г. // Там же. Л. 72.

¹⁵ Там же. Л. 72 об. — 73.

¹⁶ Французский историк имеет в виду прежде всего враждебное отношение к Л. Гамбетте в Берлине.

¹⁷ Grévy J. La République des opportunistes 1870—1885. Paris, 1998. P. 264—265.

Говорят, в Елисейском дворце царит сильнейшее разочарование. В самом деле, положение маршала-президента сильно скомпрометировано, поскольку он окажется теперь перед лицом Палаты депутатов, состоящей из ярых противников старых принципов, и вряд ли в этой ситуации он сможет рассчитывать на умеренность Сената в его нынешнем составе. Поэтому парламентская сессия, открывающаяся 2/14 января, может преподнести массу всевозможных сюрпризов», — заключил свой доклад князь Орлов¹⁸.

Посол не ошибся. Уже через неделю после возобновления работы Палаты депутатов Ж. Дюфор поставил вопрос о доверии своему правительству с целью получения согласия парламента на продолжение реформ.

На этот раз правительство устояло, однако результаты голосования (160 депутатов отказали в доверии кабинету Дюфора) не обещали министерству долгой жизни. «Парламентский день 20 декабря, — сообщал в Петербург князь Орлов, — можно было бы назвать “Днем одураченных” (*La journée des Dupes*)¹⁹. Все оказались в большей или меньшей степени обмануты [в своих ожиданиях]...

Таким образом, положение кабинета Дюфора в точности сопоставимо с положением кабинета Симона накануне 15 мая 1877 года, с той, однако, разницей, что г-н Жюль Симон имел против себя только 120 голосов, а г-н Дюфор — 160...

Одним словом, Палата и министерство по-прежнему остаются в противостоянии друг другу... Можно вполне ожидать повторения кризиса уже в ходе ближайшего обсуждения... В таком случае падет не только г-н Дюфор, но и сам маршал-президент...

Господин Дюфор и маршал-президент потеряют власть. Я могу, конечно, ошибаться, но тем не менее придерживаюсь мнения, что этот день не так далек, как многие думают»²⁰, — уверенно предположил русский дипломат.

В последующие дни Орлов только укрепился в убеждении, что Мак-Магон принял решение уйти в досрочную отставку, не дожидаясь истечения своих президентских полномочий в мае 1879 г. «Пока политическая программа, представленная кабинетом министров, обсуждается в Версале, маршал Мак-Магон готовится отказаться от своих полномочий. Он решил не отделять свою судьбу от судьбы г-на Дюфора.

Утром в понедельник, 8/20 января, герцог Маджентский отправился из Парижа в Версаль. Перед этим он направил письмо г-ну Жоли, смотрителю дворцового комплекса, приказав ему срочно подготовить зал (Сената) для совместного заседания двух палат Национального собрания с целью проведения, как того требует Конституция, выборов нового Президента республики. Условный вотум доверия, полученный кабинетом министров, не позволяет главе государства немедленно привести в исполнение свои намерения. Тем не менее становится очевидным, что в ходе нынешней парламентской сессии может быть поставлена в повестку дня и принята отставка маршала Мак-Магона», — резюмировал свои наблюдения русский посол²¹.

На следующий день после голосования о вотуме доверия князь Орлов встретился с президентом Мак-Магоном, которого, по поручению канцлера Горчакова, проинформировал о прибавлении в императорской семье, где появился на свет великий князь Михаил Александрович. «Маршал показался мне очень взволнованным, — описал свои впечатления от этой встречи князь Орлов. — Он сказал, что ему предстоит преодолеть еще большие трудности и при этом горько сетовал на поведение депутатов...

¹⁸ Орлов — Горчакову, 10 января 1879 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 95. Л. 7—8 об.

¹⁹ «Днем одураченных» называют 10 ноября 1630 г. В тот день кардинал Ришелье, возглавлявший Королевский совет, неожиданно попросил об отставке. Людовик XIII отказался ее принять, показав тем самым, что поддерживает первого министра против его противников (так называемых святош — *les dévots*) во главе с королевой-матерью Марией Медичи. Этим ловким маневром кардинал избавился от недоброжелателей и упрочил свое положение главного государственного министра.

²⁰ “Situation du Ministère Dufaure après le vote de confiance du 20 Janvier”. Записка Орлова от 22 января 1879 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 96. Л. 8—11.

²¹ Орлов — Горчакову, 23 января 1879 г. // Там же. Д. 95. Л. 16—17.

В целом ситуация чревата всевозможными осложнениями... Можно сказать, что наблюдающаяся ныне приостановка враждебности, это всего лишь затишье перед бурей»²².

Предсказанная Орловым политическая буря разразилась 28 января на заседании совета министров, когда Дюфор поставил вопрос об освобождении нескольких генералов от командования армейскими корпусами. Скорее всего, Дюфор и предположить не мог, что его инициатива окажется роковой не только для маршала-президента, но и для него самого.

О том, что последовало за обсуждением этого, казалось бы, сугубо кадрового вопроса, которому суждено было изменить лицо Франции, князь Орлов по горячим следам подробно информировал Горчакова. Как сообщал русский посол, предложение Дюфора было в штыки встречено президентом, потребовавшим объяснений. Дюфор, по сведениям, полученным Орловым, сослался на закон 1870 г., который устанавливал для командиров корпусов трехлетний срок пребывания в этой должности. Глава правительства уточнил, что генералы, которых предлагалось заменить, — Бурбаки, Батайль и Баррель — давно уже превысили отведенный им законом срок командования.

Данное уточнение не убедило маршала Мак-Магона, который, увидев, что министры солидарны с главой правительства, покинул зал заседаний, гневно заявив, что «не потерпит вмешательства министров во внутренние дела армии». «Вечером того же дня, — продолжал свой отчет князь Орлов, — г-н Дюфор отправился к маршалу. Он нашел его спокойным и полным решимости уйти в отставку, но не уступить»²³.

В среду 29 января, как сообщал Орлов в Петербург, он встретился с министром иностранных дел В. А. Ваддингтоном²⁴, который дал понять, что начавшийся накануне кризис будет иметь продолжение. При этом министр добавил, что, по его мнению, вместо маршала Мак-Магона [новым главой государства] «будет избран г-н Дюфор»²⁵.

Продолжая свой отчет, Орлов писал Горчакову: «Утром, в четверг 18/30 января, в 10 часов я отправился на встречу с герцогом Маджентским. Он был спокоен и даже находился в хорошем расположении духа. Он рассказал мне, что принял решение уйти из власти, если на совете министров, созываемом в Версале в 13 часов, от него продолжат требовать увольнения его бывших товарищей по оружию. Затем с большим достоинством он заверил меня, что при правительстве г-на Дюфора или г-на Греви Франция останется миролюбивой в своей внешней политике, а во внутренней она не позволит превратить ее в очаг радикализма. В целом маршал, кажется, был бы даже рад снять с себя бремя власти. Я полагаю, что герцог Маджентский уже давно планировал свою отставку. Он лишь дожидался благоприятного предлога, чтобы уйти. Более того, он опередил намерения левых увязать воедино требование отставки министерства 16 мая с отставкой маршала Мак-Магона. Он предпочел уйти сам, избрав поводом для этого чисто военный вопрос»²⁶.

Как и предполагал Орлов, развязка произошла в тот же день, 30 января, когда президент Мак-Магон перед лицом коллективной солидарности своих министров, настаивавших

²² Орлов — Горчакову, 24 января 1879 г. // Там же. Л. 19—20 об.

²³ Орлов — Горчакову, 31 января 1879 г. // Там же. Л. 22 об-23.

²⁴ *Ваддингтон, Вильям Анри* (1826—1894) — французский государственный деятель и дипломат. Сын выходца из Шотландии, обосновавшегося во Франции незадолго до революции 1789 г. Получил образование в Париже и Оксфорде, где специализировался в области археологии и нумизматики. Его научные труды были отмечены в 1865 г. избранием в Академию надписей и изящной словесности. С февраля 1871 г. — депутат Национального собрания. Придерживался либерально-консервативных взглядов, был близок к А. Тьеру, при котором впервые занял пост министра народного просвещения. В дальнейшем дважды возглавлял это министерство в правительствах Ж. Дюфора и Ж. Симона. В 1876 г. был избран в Сенат. В декабре 1877 г., вопреки желанию, был назначен министром иностранных дел во втором правительстве Дюфора. См. служебное досье Ваддингтона: Archives des Affaires étrangères. Personnel. 1-ère série. № 4149. О нем см.: *Haurcour d' L. Gouvernements et ministères de la IIIe République* (du 4 septembre 1870 au 1er juillet 1893). Paris, 1893; *Duroselle J.-B. Les Relations internationales 1871—1918*. Paris, 1958.

²⁵ Орлов — Горчакову, 31 января 1879 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 96. Л. 23.

²⁶ Там же. Л. 23 об.—24.

на увольнении трех генералов, объявил о невозможности далее исполнять обязанности главы государства. «Вчера,— докладывал на следующий день князь Орлов в Петербург,— маршал Мак-Магон после короткого заседания совета министров направил председателям обеих палат парламента уведомление о своей отставке...

Последние незамедлительно созвали заседание Национального собрания. [Новым] президентом Республики был избран г-н Гриви, получивший в свою поддержку 563 голоса. Генерал Шанзи²⁷ (второй кандидат на этот пост.— П. Ч.) получил 99 голосов. 43 бюллетеня оказались незаполненными, что свидетельствует о числе воздержавшихся».

Посол обратил внимание Горчакова на то обстоятельство, что неожиданные для всех выборы нового главы государства прошли в отсутствие большого числа депутатов обеих палат Национального собрания. «Около ста депутатов-консерваторов отсутствовали на заседании. Их отсутствие было связано с завершением охотничьего сезона, а разыгравшиеся за последние дни метели не позволили им вовремя вернуться в Версаль и принять участие в голосовании»²⁸.

В соответствии с дипломатическим протоколом русский посол нанес прощальный визит теперь уже бывшему главе государства. Вот как он описывал эту встречу в своем донесении канцлеру Горчакову: «На следующий день после отставки маршала Мак-Магона я отправился к нему, чтобы попрощаться и поблагодарить его за постоянную доброту, которую он не переставал оказывать мне на протяжении почти шести лет.

Герцог Маджентский, кажется, был тронут моим визитом. Он рассказал мне о деталях своего ухода в отставку. [Как я уже сообщал ранее], мы расстались с ним в четверг, 18/30-го, в полдень. В час дня он отправился в Версаль, где его уже ждали министры. Маршал [сразу же] прочитал на их лицах решимость заставить его подчиниться [их решению] или уйти в отставку. Действительно, министры настойчиво потребовали замены генералов Бурбаки и Батайля. Тогда герцог Маджентский попросил своих советников подготовить проект его декларации об отставке, которую он намеревался переслать в парламент. Когда они отказались это сделать, он [сам написал текст] и отправил его непосредственно председателям двух ассамблей. Когда маршалу стало известно об избрании г-на Гриви, он отправился в Версальский дворец, не дожидаясь визита своего преемника. Он поздравил его и позволил себе дать ему только один совет: оставить портфель иностранных дел за г-ном Ваддингтоном, которого бывший президент считал незаменимым человеком на этом посту. Г-н Гриви поблагодарил своего предшественника и сказал, что хотел бы сохранить весь состав кабинета [министров].

Мне приятно отметить, что маршал Мак-Магон ушел из власти с величайшим достоинством. Все партии отдадут должное его искреннему и рыцарскому поведению»²⁹, — закончил свою депешу князь Орлов.

²⁷ Шанзи, Антуан Эжен Альфред (1823—1883) — один из самых заслуженных генералов французской армии, участник многих военных кампаний. Со времен Второй империи придерживался умеренных республиканских взглядов. Проиграв борьбу за пост главы государства, Шанзи получил от победителя своеобразную компенсацию. Избранный президент республики, по согласованию с Ваддингтоном, назначил его послом в Россию. Князь Орлов, хорошо знавший Шанзи, следующим образом прокомментировал его назначение: «Я считаю, что его назначение в Петербург будет иметь прекрасный результат... Через несколько лет ему суждено играть ведущую роль в своей стране, а его пребывание на берегах Невы может сделать его настоящим другом России. Его посольство — это временная отсрочка. Когда он вернется в Париж, он, вероятно, поднимется на вершину власти в качестве президента или диктатора». (Орлов — Горчакову, 27 февраля 1879 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 96. Л. 31 об.). В данном случае Орлов ошибся. Миссия генерала Шанзи в Санкт-Петербурге продлится менее двух лет. По возвращении в Париж дивизионный генерал Шанзи продолжит военную службу, получив под командование 6-й армейский корпус. О генерале Шанзи см.: *Abadie L. Le général Alfred Chanzy (1823—1883). Une grande figure de l'Algérie.* Turquert, 2013.

²⁸ Орлов — Горчакову, 31 января 1879 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 95. Л. 26—26 об. К своей депеше Орлов приложил текст обращения Мак-Магона к председателям Палаты депутатов и Сената.

²⁹ Орлов — Горчакову, 3 февраля 1879 г. // Там же. Л. 32—33 об.

Кризис, вызванный демонстративным уходом Мак-Магона, завершился 3 февраля 1879 г. давно ожидавшимся падением кабинета Дюфора. «Все усилия, предпринятые новым президентом республики, чтобы удержать г-на Дюфора у власти, похоже, потерпели неудачу, — прокомментировал это событие князь Орлов. — Восьмидесятилетний министр хотел бы избежать изнуряющей парламентской борьбы. К тому же, г-н Дюфор, похоже, не пользуется доверием у нынешнего большинства в палатах. Новый кабинет министров пока не сформирован. Весьма вероятно, что эта миссия будет доверена г-ну Ваддингтону»³⁰.

Не дожидаясь формирования нового правительства, Орлов уже 3 февраля направил временно исполняющему обязанности министра иностранных дел Ваддингтону запрос относительно необходимости обновления верительных грамот в связи со сменой главы государства. Ваддингтон ответил, что не видит в этом никакой необходимости, о чем он уведомил и других иностранных послов, аккредитованных в Париже. Одновременно Ваддингтон подтвердил членам дипломатического корпуса желание президента Гриви придерживаться миролюбивой внешней политики «во имя сохранения всеобщего мира»³¹.

Тогда же, 3 февраля, Орлов посетил избранного президента. Их встреча состоялась в частном доме Гриви, который еще не успел перебраться в Елисейский дворец. «Он приветствовал меня с распростертыми объятиями, — докладывал в Петербург вечером того же дня князь Орлов. — В ходе нашего разговора он попросил меня разъяснить ему ряд не вполне понятных для него вопросов внешней политики, а на прощание сказал, что испытывает ко мне те же чувства уважения и дружбы, которые, как ему известно, отличали отношение ко мне г-на Тьера»³².

4 февраля было сформировано новое правительство, которое, как и предвидел князь Орлов, возглавил Ваддингтон, сохранив за собой и пост министра иностранных дел.

Отныне все рычаги центральной исполнительной и законодательной власти во Франции оказались в руках республиканцев. На вершину государственной пирамиды 30 января 1879 г. был вознесен умеренный республиканец Гриви. Освобожденный им пост председателя Палаты депутатов занял Гамбетта, уже не пугавший французский истеблишмент прежними радикальными взглядами, от которых давно отошел. До его заветной мечты — стать главой правительства — оставался теперь только один шаг, и Гамбетта был убежден, что этот день не за горами. Руководство Сената после обновления его состава 5 января 1879 г. находилось в руках республиканца Луи Мартеля³³.

Последовательным республиканцем был и новый глава государства. Франсуа Поль Жюль Гриви (1807—1891)³⁴ принадлежал к семье с твердыми республиканскими традициями, где сторонились как католицизма, так и протестантизма. Жюль был старшим из трех сыновей. Всем им родители постарались дать хорошее образование. Будущий президент республики после окончания Парижского университета занялся адвокатской практикой, постепенно сосредоточившись на ведении дел политического характера. Первая известность пришла к Гриви в 1839 г., когда он выступил защитником на процессе бланкистов, организовавших антиправительственное восстание в Париже. Его политическая карьера началась в 1848 г., когда по поручению Временного правительства он инспектировал родной департамент Жюра, сумев убедить своих земляков в том, что республика совместима с порядком и законностью, а не ведет к анархии и произволу, чем запугивали французов

³⁰ Там же. Л. 35—35 об.

³¹ Там же. Л. 36—39.

³² Орлов — Горчакову, 3 февраля 1879 г. // Там же. Д. 96. Л. 4—4 об.

³³ *Мартель, Луи* (1813—1892) — французский государственный деятель, умеренный республиканец. Избирался в парламент с 1849 г. В период Второй империи находился в оппозиции. В последующие годы избирался в Палату депутатов и в Сенат. В 1876—1877 — министр юстиции. С 5 января 1879 г. — председатель Сената.

³⁴ О нем см.: *Gaudemet Y.-H.* Les Juristes et la vie de la Troisième République. Paris, 1970; *Mayeur J.M.* Les Débuts de la Troisième République (1871—1898). Paris, 1978; *Jeambrun P.* Jules Grévy ou la République debout. Paris, 1991.

монархисты. Гриви избирают в Учредительное собрание, где он становится вице-председателем этого законодательного органа.

Во время бонапартистского переворота 2 декабря 1851 г. Гриви был арестован, но вскоре освобожден. В течение последующих 16 лет, будучи противником режима Второй империи, он не участвовал в политической жизни, занимаясь адвокатской практикой. В 1868 г. Гриви был избран в Законодательный корпус. Вместе с Тьером в июле 1870 г. он пытался претовратить войну с Пруссией.

В феврале 1871 г. Гриви избирают председателем Национального собрания. Этот пост он сохранил до апреля 1873 г. Когда Тьер вынужден будет оставить функции главы государства, Гриви выдвинул свою кандидатуру для избрания на вакантный пост президента республики, но проиграл маршалу Мак-Магону. После принятия в 1875 г. конституции и последовавших за этим выборов Гриви был переизбран в парламент. Он становится председателем Палаты депутатов, к тому времени Гриви — один из самых влиятельных лидеров умеренных республиканцев. Поэтому, когда 30 января 1879 г. президент Мак-Магон объявил о своей отставке, республиканцы сошлись на том, что именно Гриви должен стать его преемником. Подавляющим большинством голосов Национальное собрание 30 января 1879 г. избрало Жюля Гриви главой государства. «Со вчерашнего дня мы, наконец, живем при Республике», — так образно прокомментировал избрание Гриви президентом Французской республики Гамбетта, занявший его председательское место в Палате депутатов³⁵.

6 мая, спустя четыре месяца после избрания на пост главы государства, Гриви, выступая на совместном заседании двух палат, предельно четко сформулировал свое видение роли президентской власти в Третьей республике: «Совершенно искренне подчиняясь великому закону парламентской системы, я никогда не позволю себе вступить в борьбу с национальной волей, выражаемой ее институциональными органами»³⁶. Никто из двух его предшественников на посту главы государства — ни Тьер, ни Мак-Магон — не выражали столь публично свое безусловное подчинение принципам парламентской республики. Ни тот ни другой и не помышляли отказываться от конституционного права роспуска неудобного (или даже неудобного) им лично парламента. Гриви недвусмысленно дал понять, что он никогда не воспользуется этим правом, уважая выбор избирателей.

Он стал первым президентом Французской республики, безоговорочно признавшим приоритет Палаты депутатов как в формировании правительства, так и в определении внутренней и внешней политики Франции. Свою миссию главы государства он видел в том, чтобы быть гарантом конституции 1875 г. и представлять Французскую республику в международном сообществе, а в случае возникновения внутренних политических кризисов — способствовать их преодолению.

Первым шагом на пути национального примирения станет объявленная главой государства в апреле 1879 г. частичная амнистия осужденных (и высланных за пределы Франции) участников Парижской коммуны. Под эту первую амнистию попал и томившийся в тюрьме радикальный социалист Огюст Бланки.

Амнистия Бланки особенно тяжело далась президенту Гриви, который в бытность свою начинающим адвокатом выступал защитником на процессах бланкистов, о чем, став главой государства, предпочитал не вспоминать. Дело было в другом. Бланки, отбывавший тюремное заключение, в 1879 г. был избран в Палату депутатов на дополнительных выборах, проводившихся в Бордо. Правда, Гриви очень надеялся, что нижняя палата откажется принять в свои ряды этого «государственного преступника».

Об этом он доверительно поведал князю Орлову на встрече, состоявшейся у них 23 апреля, как раз в тот самый момент, когда завершалась подготовка частичной амнистии. «Что касается избрания [в Палату депутатов] от Бордо г-на Бланки, — сообщал русский посол в Петербург, — президент сказал мне, что он не помилует г-на Бланки и что он убежден,

³⁵ Цит. по: *Piastra R.* Les présidents de 1870 à nos jours. Paris, 2012. P. 36.

³⁶ Ibid. P. 37.

что Палата депутатов не подтвердит избрание преступника в его политических правах. “В противном случае, — добавил г-н Греви, — у меня были бы все основания в такой ситуации власть в полное отчаяние”.

На мое замечание, что ни в коем случае нельзя отчаиваться, когда речь идет о судьбе родины, г-н Греви сказал, что “таково и его мнение, и что он будет энергично бороться против французских нигилистов, главой которых является Бланки”.

Остается только гадать, обладает ли нынешний глава французского государства качествами человека, способного к борьбе», — подытожил их встречу князь Орлов³⁷.

Через год с небольшим (11 июля 1880 г.) президент Греви объявит амнистию всем остальным осужденным коммунарам³⁸.

Памятуя о печальном опыте своего предшественника, позволявшего себе грубо вмешиваться в политический процесс, Греви будет действовать осторожно, можно сказать, деликатно, но вместе с тем и целенаправленно. Свою миссию он видел в том, чтобы содействовать утверждению в государстве и обществе пока еще не устоявшихся республиканских принципов и традиций. Греви инициировал более четкое распределение властных полномочий в пользу парламента и правительства. В рамках частичного пересмотра конституции по его инициативе в июне 1879 г. были учреждены новые государственные символы и важнейшие даты национального календаря. День взятия Бастилии (14 июля) был объявлен во Франции национальным праздником, а знаменитая «Марсельеза» — государственным гимном.

21 июня 1879 г. было принято давно обсуждавшееся в обществе решение о возвращении Палаты депутатов и Сената из Версаля, где они находились со времени последней франко-германской войны, в столицу. Тогда же Елисейский дворец стал постоянной, а не временной, как при Тьере и Мак-Магоне, официальной резиденцией президента Французской республики.

Утвердившееся у власти республиканское руководство немедленно приступило к деклериализации системы образования на всех его уровнях, имея в виду ослабление влияния церкви на формирование мировоззрения молодого поколения. В этом вопросе все ветви власти действовали согласованно. Начиная с февраля 1879 г., были приняты важные решения по утверждению светского характера бесплатной системы народного просвещения, созданы коллежи и лицеи для девочек.

Закон от 20 марта 1880 г. предписал всем монашеским конгрегациям пройти официальную регистрацию в органах власти и запретил им вести образовательную деятельность в школах и университетах. После принятия этого закона иезуиты, не согласившиеся с новыми правилами, вынуждены были второй раз в истории Франции покинуть ее территорию³⁹.

Таковы были самые первые шаги нового руководства Франции по утверждению в стране республиканских принципов.

Вся эта деятельность находилась в центре внимания князя Орлова. В оценках происходящего посол был осторожен, отмечая сложности переходного этапа к классическому парламентскому правлению.

Одну из проблем он видел в отсутствии необходимого единства среди пришедших к власти республиканцев, которые изначально не были однородной партией. Именно поэтому представители ее умеренного и левого течений не всегда могли договориться относительно

³⁷ Орлов — Горчакову, 23 апреля 1879 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 96. Л. 47 об.—48 об. Греви все же амнистирует Бланки, но только после того, как Палата депутатов откажется признать его депутатские полномочия. Выйдя на свободу, несправимый бунтарь немедленно занялся созданием очередной антиправительственной организации — Центрального революционного комитета, но менее чем через два года он умрет в возрасте 75 лет, 36 из которых провел в тюрьмах.

³⁸ Процедура окончательного юридического оправдания коммунаров затянется почти на полтора столетия. Лишь 29 ноября 2016 г. Национальное собрание Пятой республики приняло резолюцию о реабилитации всех жертв репрессий периода Парижской коммуны.

³⁹ Впервые иезуиты были изгнаны из Франции в 1764 г. Людовиком XV.

принимаемых парламентским большинством и правительством решений. Орлов отмечал противоречия между ними и по вопросу амнистии коммунаров, и по вопросу немедленного возвращения органов власти в столицу, и по другим вопросам. На одной из встреч с русским послом Ваддингтон признался, что если не удастся убедить парламентское большинство в необходимости хотя бы частичной амнистии участникам Коммуны, то он подаст в отставку⁴⁰.

Что касается возвращения президента, правительства и парламента из Версаля в Париж, то для этого надо было вносить соответствующую поправку в конституцию 1875 г., где именно Версаль был прописан местопребыванием центральных властей. Сам Орлов, как и многие умеренные республиканцы, полагал, что «возвращение обеих палат в Париж могло бы открыть путь к [новым] мятежам, а возможно, и к революциям».

В этой сложной ситуации русский посол отмечал более чем сдержанное поведение нового главы государства, который перед лицом «недисциплинированного парламента» ведет себя «как сфинкс»⁴¹.

Одну из причин осторожности президента республики Орлов усматривал в том, что «г-н Гриви до сих пор участвовал в политике только в качестве председателя парламентских ассамблей, а эти функции едва ли могут подготовить [человека] к роли главы государства»⁴². При этом посол отдавал должное личным качествам и способностям президента республики: «В последние дни я многократно виделся с г-ном Гриви и считаю, что он бесконечно превосходит своих нынешних министров. В скором времени все они потеряют свои портфели, либо им придется подчиниться воле президента»⁴³.

Посол считал нужным напомнить Горчакову о доверительном характере отношений, которые сложились у него с главой государства. «Мои личные отношения с г-ном Гриви уже задевают г-на Ваддингтона, на что недавно он мне слегка намекнул, — заметил Орлов. — Принимая меня на следующий день после своего прихода к власти, президент республики сказал: “Я испытываю к вам такое же доверие, как и г-н Тьер, и прошу вас всегда откровенно говорить со мной обо всем”.

Я никогда не буду злоупотреблять этой привилегией, — прокомментировал посол слова президента, — но я убежден, что мой голос будет в большей степени услышан в Елисейском дворце, нежели в кабинете г-на Ваддингтона»⁴⁴.

В целом же князь Орлов констатировал, что процесс утверждения республики, начавшаяся с февраля 1879 г., проходит крайне сложно, сопровождаясь очевидными признаками «дезорганизации» в работе государственных органов власти и даже «полной стагнацией в ведении дел»⁴⁵.

Месяц спустя, на исходе марта 1879 г., Орлов сообщал в Петербург: «Противоречия с удручающей быстротой следуют одно за другим. Бывшим министрам маршала де Мак-Магона формальное обвинение [как предполагали] не предъявлено, но Палата депутатов обвинила их... в нарушении законов и общественных свобод.

Герцог де Бройль и его коллеги, только что освобожденные от всех судебных преследований, опубликовали энергичный протест против этого произвольного обвинения.

Католики очень встревожены законопроектом об образовании, который грозит лишить иезуитов права руководить колледжами и школами. Капиталы церкви [спешно] переводятся за границу...

Одним словом, финансовая стабильность пока еще сохраняется, но умы охватило всеобщее беспокойство»⁴⁶.

⁴⁰ Орлов — Горчакову, 12 февраля 1879 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 96. Л. 26.

⁴¹ Там же. Л. 28.

⁴² Там же. Л. 27.

⁴³ Орлов — Горчакову, 27 февраля 1879 г. // Там же. Л. 30 об.—31.

⁴⁴ Там же. Л. 31—31 об.

⁴⁵ Там же. Л. 26, 28.

⁴⁶ Орлов — Горчакову, 22 марта 1879 г. // Там же. Л. 39—40.

В начале апреля Орлов сообщил в Петербург, что решение о переезде парламента и правительства в Париж упорно саботируется как депутатами, так и министрами. «Судя по всему, Сенат не расположен к этому переезду, — отмечал русский посол. — Правительство также этого не желало бы, но вынуждено идти на уступки настойчивым требованиям г-на Гамбетты⁴⁷. Министры как бы высказались за возвращение в Париж. Это свое проявление слабости... они постараются компенсировать всяческим затягиванием вопроса. Одновременно постоянно откладывается соответствующее обсуждение в Сенате. Предлагается принять всевозможные подготовительные меры, лишь бы затянуть время. Таким образом, можно одним сказать, что они всерьез намерены вернуть парламент в Париж, а другим — что необходимость осуществления подготовительных мероприятий не позволяет сделать это немедленно... Слабость и непоследовательность — именно этими словами потомки охарактеризуют кабинет Ваддингтона»⁴⁸.

Сам Орлов изначально сомневался в устойчивости правительства Ваддингтона, которое, по его мнению, было не способно устоять перед трудностями переходного периода. Его сомнения, основанные на хорошей информированности и глубоком понимании острых противоречий в рядах неоднородной республиканской партии, получили подтверждение на открывшейся 27 октября 1879 г. сессии Палаты депутатов.

После затянувшегося почти на девять лет пребывания в Версале парламентарии нехотя, но все же вернулись в столицу, обосновавшись в своих «исторических» резиденциях. Палата депутатов — в Бурбонском дворце, а Сенат — в Люксембургском.

«Возвращение законодательного органа в Париж... является значительным событием, масштаб которого сможет определить только будущее, — писал Орлов канцлеру Горчакову. — В Версале парламент пользовался абсолютной безопасностью. В Париже такого нет. При малейшем бурном [парламентском] обсуждении у ворот законодательных дворцов могут собраться толпы. Любая искра способна воспламенить порох. Амнистированные, недавно вернувшиеся из ссылки, естественно, становятся вожаками многочисленного и беспокойного населения [парижских] предместий. Есть повод опасаться волнений при первой же возможности, которая представится удобной для незрелых радикалов.

Еще более серьезная опасность, похоже, угрожает правительству г-на Гриви. Сегодня у него есть соперник в лице господина Гамбетты, который не намерен ждать истечения семилетнего президентского срока. Он хочет стать главой государства, и, как говорят, у него уже есть соответствующий план... осуществление которого может быть ускорено народными волнениями, семена которых вот-вот дадут всходы»⁴⁹.

Сессия Палаты депутатов характеризовалась постоянными нападками части парламентариев на правительство Ваддингтона. К середине декабря критика достигла такой остроты, что всерьез заговорили о неизбежном падении министерства.

Видимо, желая сыграть на опережение, члены кабинета министров 20 декабря приняли коллективный демарш. «Только что разразился министерский кризис... — сообщал 21 декабря из Парижа князь Орлов. — Вчера вечером, когда парламент объявил о перерыве на время рождественских и новогодних праздников, министры подали президенту республики прошение об отставке.

Судя по всему, г-н Гриви намерен сохранить некоторых из них в новом составе правительства. В то же время... глава государства, похоже, не исключает возможности сформировать министерство и из людей, придерживающихся радикальных принципов. Иногда к этому успешно прибегали монархи, но нередко им приходилось в этом раскаиваться.

⁴⁷ Гамбетта вскоре после избрания его председателем Палаты депутатов демонстративно переехал из Версаля в Париж, где устроил свой кабинет в здании министерства иностранных дел на набережной Орсе.

⁴⁸ Орлов — Горчакову, 2 апреля 1879 г. // АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 96. Л. 43 об. — 44 об. Национальное собрание и правительство окончательно переберутся из Версаля в Париж только к началу осени 1879 г.

⁴⁹ Орлов — Горчакову, 9 ноября 1879 г. // Там же. Л. 214—216.

Последнее, вероятно, ожидает и господина Гриви, если он выберет себе министров из числа левых радикалов»⁵⁰.

27 декабря президент утвердил список членов нового кабинета во главе с Ш. де Фрейсине⁵¹, занимавшим в правительстве Ваддингтона пост министра общественных работ. Долгое время Фрейсине, как и Гамбетта, считался левым республиканцем, но к концу 1870-х годов оба они стали вполне умеренными.

К середине 1880 г. стало очевидно, что республиканский строй во Франции окончательно утвердился. Центр политической борьбы отныне переместился с прежнего противостояния между победившими республиканцами и побежденными монархистами к соперничеству трех течений внутри самого республиканского блока — правого, центристского и левого. Представители этих трех течений и будут чередоваться у руля власти Третьей республики.

Что касается информации российского посла во Франции князя Орлова, то она, безусловно, представляет большой интерес для исследователей как свидетельство хорошо осведомленного очевидца происходивших в Париже событий. В сообщаемой послом в Санкт-Петербург информации содержится богатый, подчас уникальный, материал, насыщенный многими деталями. Его депеши и аналитические записки в целом отличаются объективностью и взвешенностью оценок. Есть все основания полагать, что в определенной степени они оказывали влияние на формирование политики Российской империи в отношении молодой Французской республики.

Библиография / References

- Антухина-Московченко В.И.* Третья республика во Франции. 1870—1918. М., 1985.
- Черкасов П.П.* Маршал Мак-Магон // Новая и новейшая история. 2018. № 5. С. 198—211. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013038640001430-1>
- Antiukhina-Moskovchenko V.I.* Tret'ya respublika vo Francii [Third Republic in France]. 1870—1918. Moskva, 1985. (In Russ.)
- Cherkasov P.P.* Marshal Mak-Magon [Marshal MacMahon] // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2018. № 5. S. 198—211. (In Russ.)
- Azéma J.-P., Winock M.* La IIIe République. Paris, 1976.
- Duclert V.* La République imaginée. 1870—1914. Paris, 2014.
- Grévy J.* La République des opportunistes 1870—1885. Paris, 1998.
- Ollivier J.-P.* Président de la République. Les vingt-deux chefs d'État français 1848—2002. Paris, 2002.
- Piastra R.* Les présidents de 1870 à nos jours. Paris, 2012.

⁵⁰ Орлов — Горчакову, 21 декабря 1879 г. // Там же. Л. 143—144.

⁵¹ Фрейсине, Шарль де (1828—1923) — политический деятель, выпускник элитарной Политехнической школы, последовательный республиканец, выдвинувшийся во время франко-германской войны 1870—1871 гг. как один из создателей резервной армии для продолжения военных действий после Седанской катастрофы. Сподвижник Гамбетты в деле организации национальной обороны. Будучи министром общественных работ в кабинетах Дюфора и Ваддингтона, Фрейсине внес значительный вклад в развитие железнодорожного и водного транспорта. В 1879—1880 гг. он активно содействовал амнистии коммунаров и решительно отстаивал светский характер школьного образования. В последующие годы неоднократно занимал различные министерские посты, в том числе министра иностранных дел и военного министра, четыре раза возглавлял правительство Франции. В 1890 г. он был избран во Французскую академию.